

Александр Железцов

Сценарий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА —
Зам. директора театра
ВЕРОЧКА — Завлит
ПЕТР СТЕПАНОВИЧ —
Пожилой и потрепанный

Приемная. Входная дверь, дверь в кабинет. За столом сидит Алла Алексеевна, сервирует его к чаю. Вбегает Верочка, быстро запирает за собой дверь.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Привет! Ты что?
ВЕРОЧКА. Опять пришел! Он в коридоре уже, за мной идет! Он видел, куда я пошла! АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Господи. Да просто отдаешь и говоришь, что нас это не интересует. Все! В чем проблема?

ВЕРОЧКА. Я не могу. Он... (Вскликивает). АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Приставал?! А ну-ка, открой дверь!

ВЕРОЧКА. Нет, не надо. Жалко его... АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Послушай, я прочитала. Это даже не графомания — просто бред. Больной человек, алкоголик, судя по всему. Всех жалко

(Стук в дверь).
ВЕРОЧКА. Я не могу! Я...
(Выхватывает из сумки кипу листов, сует Алле Алексеевне.)

Отдайте ему сами, ну, пожалуйста! Скажите что-нибудь. Я в кабинете у вас.

(Убегает в дверь кабинета. Алла Алексеевна решительно открывает дверь приемной. Входит Петр Степанович.)

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Где она?
АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Здравствуйте. Вера Петровна занята. Я — заместитель директора театра. К сожалению, ваша пьеса нам не подходит. Вот, возьмите. (Протягивает ему листки.)

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Чем это она занята?
АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Работой. И я, на минуточку, тоже. Вот возьмите — и я с вами прощаюсь.

(Петр Степанович не берет листки и неожиданно вскликивает.)

Вы что?! Прекратите немедленно! Будете плакать — я милицию вызову! Вот выпейте, это кофе. Ну? Ну, не надо... Вот, чай. Пейте-пейте.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А пирожное можно?
АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Берите все и идите.
ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А можно я тут съем?
АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Только быстро.
(Петр Степанович ест пирожные, она стоит над ним.)

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А вы прочитали?
АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Прочитала.
ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Понравилось?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Не то слово. Но нам не подходит.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А вы почему платите? Ну, за сценарий?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. По-разному. Но это нам не подходит.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Я за полцены могу. Вообще без денег пускай, бесплатно.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. И бесплатно не подходит.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Примитивность, да?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Что?!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Ну, это когда не настоящее искусство, а так... Я вон, в общепит когда жил, давно еще, там со мной два брата-татарина в одной комнате жили, а я по клеткам Григория Мелехова перерисовывал, с афиши, кино «Тихий Дон», перерисовывал, раскрасил — цветными карандашами, красиво вышло, все смотреть ходили, все общепит, а это примитивность была, мне один сказал, что примитивность это...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Да-да. Доедайте.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А что делать-то? Если примитивность?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Читайте больше. Извините, у меня работа.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А я много читал.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Значит, еще читайте!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А зачем?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Да, действительно... Господи!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Сейчас, я уйду уже, сейчас. А вот есть такая книжка, где написано, как надо? Как правильно надо? Ну, вообще, как надо, чтобы правильно... Есть?

(Пауза.)

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Ну... Евангелие, может быть?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Это библия, что ли? Не про нас писано. Читаешь — ни хрена непонятно, вы извините, конечно. Я вот и написал, ну, сценарий этот, чтобы жизненно, к нашей жизни...

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Потрясающе. Что же, у нас в жизни одни праздники?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Нет.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Ну, как же — у вас тут только праздники. начинается с дня рождения, потом 23 февраля, потом 8 марта, Первое мая, Девятое мая, а потом две свадьбы. При этом ничего не происходит. Вообще ничего! Просто!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Почему?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. А я не знаю! Вот, пожалуйста! (Выхватывает наугад один из листов рукописи). «Любовь Степановна, передайте мне огурчиков соленых. — Пожалуйста, Иван Петрович, только грибки маринованные под водочку лучше. — Нет, Любовь Степановна, я лучше огурчики люблю! — Хорошо, Иван Петрович, только вы грибки попробуйте! — Хорошо, попробую, только я сначала хочу сказать тост за дам! — Нет, Иван Петрович, я сначала хочу сказать тост за вас! — Нет, Любовь Степановна, вы мне лучше огурчики передайте, а то там картошка уже, наверно, готова. — Да! У меня там картошка с сосисками готовится, как же я забыла, но я сначала хочу сказать тост...» И это бесконечно! Выпивают и закусывают! Закусывают и выпивают! Это хоть кому-нибудь интересно?!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Но, хорошо ведь! Люди смотреть будут и радоваться.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Чему?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Что душевно все, как надо. Нет, закуски тоже хорошую надо сделать, настоящую. картошечки, огурчиков, колбаски резаной — но у меня там все перечислено. Отдельно — холодное, отдельно — горячее.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Поймите — это сцена! Все на картоне!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А настоящее нельзя?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Из зала все равно не видно!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А в бинокль? У вас же есть.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Бинокли — за артистами следить. Как они переживают!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А чего переживать — все по-хорошему.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. А в жизни все по-хорошему. Вот у вас?

Диалоги о животных

Из цикла "По эту сторону телевизора"

ОН
ОНА
МАМА

ОНА. Да сядь ты, сядь!

ОН. Вообще-то я футбол рассчитывал...

ОНА. Это Галапагосские острова, это выюрок, птичка, у него клюв до личинок в дереве не достает — видишь? А он их палочкой выковыривает, сейчас покажут.

ОН. А футбол?

МАМА. На воробья похож.

ОНА. Как колбаса, да? Это они в само дерево камеру поместили и личинку показываю. Ночью футбол посмотришь. Видишь: палочка в клюве? Видишь? Сейчас достанет ее.

ОН. Живая такая, нежная, трогательная — посмотри, окраска какая...

МАМА. А как они сказали птица называется?

ОНА. Подцепляет... Нет — никак!

ОН. Птица выюрок.

МАМА. Похоже на "выюнок" — это растение такое.

ОН. Выюрок, Зинаида Сергеевна. Выюрок.

ОНА. Да подождите вы! Упирается еще!

ОН. Не достанет. Толстуха надо просто сидеть и не дергаться.

МАМА. Смешная такая птица.

ОНА. Давай! Давай ее, толстомысую!

ОН. Вот-вот. И вся жизнь в этом.

МАМА. Птица приспособ-

ливалась-приспосабливалась и придумала себе палочку — по Дарвину. Это эволюция.

ОН. По современным представлениям, Зинаида Сергеевна, никакой эволюции вообще не было.

МАМА. Ну, я не знаю, наука еще никто не отменял!

ОНА. Да смотрите вы! Он сейчас другую палочку возьмет.

ОН. Нет. Он плюнул и отцепился от нее. Главное — не дергаться.

ОНА. Ага, правильно. кривую взял, цеплять лучше, умница! Сейчас подцепит.

ОН. Собственно, в этом — чуть ли не основная причина краха христианской цивилизации, в этом кровавом азарте...

ОНА. Ты что, сдурел? Личинки — паразиты.

МАМА. Личинки уничтожают посевы.

ОН. Это для вас паразиты, а для Бога — это просто она. Она — это она. А тут прилетает какой-то шустрый с палочкой в клюве и начинает ее доставать. А с чего, собственно? За что?!

ОНА. Ур-р-ра!

МАМА. Как быстро кушает. Конечно, — она ведь толстая и без палки.

ОНА. Ненавижу личинок!

ОН. А выюрок твой любимый, кто?!

МАМА. Голова у меня что-то болит. Надо чаю попить, а то уже сухость в горле наступила. А там и кино начнется. А ты чайку не хочешь? Говорили по радио, что магнитные бури сегодня. И завтра магнитные бури. И послезавтра.

де, кто сунется?! А?!

МАМА. Черепахи показывают. Интересно, как они называются?

ОН. А в следующий раз ваш выюрок прилетит с автоматом!

ОНА. Не кричи — не на футбол.

МАМА. Обезьяны какие смешные.

ОН. С этого все и началось, с первого шустрого, который взял палку. Эволюция ему понадобилась, как же, он ведь шустрый!

МАМА. А слоны-то какие смешные: ушки, хвостики...

ОН. Они не смешные совсем. Они никакие, они слоновые.

МАМА. Это черепахи слоновые. Ой, а эти-то смешные какие: хвостики, ушки.

ОНА. Это гены. А личинки твои толстогады могли бы просто глубже забиваться в свои щели. Но им даже это лень.

ОН. Достанут. Прилетят и достанут.

МАМА. А крокодилы-то...

ОН (орет). Смешные?! Смешные крокодилы, Зинаида Сергеевна, да?! Ушки-хвостики, да?!

ОНА (орет). Да дашь ты нам посмотреть спокойно?

МАМА. Голова у меня что-то болит. Надо чаю попить, а то уже сухость в горле наступила. А там и кино начнется. А ты чайку не хочешь? Говорили по радио, что магнитные бури сегодня. И завтра магнитные бури. И послезавтра.

чью по дороге. Кусты, туман, тихо, только шаг мой. Туман белый, асфальт черный. И вдруг на асфальте, впереди, чего-то как... я не знаю... такое цветное все, яркое и шевелится — и так грудь заломило-заломило... Подхожу — а это бабочки! Сплошняком, много, разные все. Большие, маленькие — капустницы, крапивицы и такие, что и не знает никто — черные такие, как лошади, и голубенькие, и всякие — шевелятся, выются. А это молоко везли и на асфальт пролили, они и пьют! А тут еще солнце встает. Кусты прямо загорелись, птицы как заорут, коровы как замычат, грудь так заломило, что стоять не могу, а они передо мной — выются, а я глазу их — в воздухе — и нет меня совсем, я — бабочки эти, и молоко, и шоссейка, и кусты — это я все, и сверху я тоже и все вижу, вниз на шоссейку валюсь. Я не помню ничего дальше. Домой как-то дошел и сразу сценарий этот писать, как чокнутый — день и ночь. А выходит, и непонятно.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Понятно все.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Правда?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Только в пьесе этого нет, в сценарии вашем... нет бабочек каких-то таких, как они молоко пьют — понимаете?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Так и пьют.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Да не как пьют, а как пьют — понимаете?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Хоботками.

(Пауза.)

А вы мне полтора рубля не дадите?

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Конечно, сейчас. Вот, только десятка. Понимаете, нет... вот этого внезапного ощущения трагической благодати бытия, прорыва.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ (беря деньги). Я в понедельник отдам. Обязательно.

(Дверь кабинета распахивается, вбегает Верочка.)

ВЕРОЧКА. Не давайте ему!

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Это Вера Петровна, наш завлит, она освободилась.

ВЕРОЧКА. Отдай деньги.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Ну, здравствуй, дочка.

ВЕРОЧКА. Отдай деньги — и уходи. Я приду к тебе... потом. Сколько он пирожных съел — я заплачу.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Бог с вами, Верочка!

ВЕРОЧКА. Сколько?

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Три.

ВЕРОЧКА. Отдай деньги — и уходи.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. А я вообще не к тебе пришел! Я вот с женщиной разговариваю, а не с тобой!

ВЕРОЧКА. Это я не с тобой разговариваю!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Я тебя вообще, в упор не вижу! Дочь родная!

ВЕРОЧКА. Сам ты блядь! Ты на него первый накинулся и рубашку порвал! Ты не можешь, когда другим хорошо! Мама из-за тебя умерла!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Из-за меня...

ВЕРОЧКА. Из-за тебя!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Из-за меня.

ВЕРОЧКА. Из-за тебя!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Из-за меня.

(Пауза.)

ВЕРОЧКА. Почему ты не ешь?! Я тете Лизе оставила денег тебе на продукты. Почему ты продукты не покупаешь и не ешь?!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Не хочется.

ВЕРОЧКА. Не ври! Они у тебя в пьесе все время едят!

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Они друг друга ... уважают.

ВЕРОЧКА. Папка, бедный, все тебя уважают. Все тебя уважают! Он знает, как потом расстраивался, что тебя с лестницы спустил! Все тебя уважают!

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. И я вас уважаю! Вы пьесу написали.

ВЕРОЧКА (обнимая его). Господи, худой какой! Алла, можно мы у тебя в кабинете посидим, а то я домой не могу.

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА. Конечно-конечно, я зайду к вам потом.

(Они уходят в дверь кабинета, она набирает номер телефона.)

Алло, Люся? У нас там сардельки есть? А селедочка? Хорошо. Курица у тебя вроде бы была, да? А картошка? В кабинет ко мне можешь принести? Минут через десять? За-мечательно!

(Кладет трубку, открывает рукопись. Читает, смеется. Плачет. Снова смеется.)